

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Великаны и храбрый пастушок. Польская народная сказка

Идёт по дороге крестьянский сын, ноги в песке вязнут, терновник ветки колючие с обочины протягивает, за одежду цепляет, а дороге конца–краю нет.

Звать крестьянского сына Павлом, а матушка Павлушей кликала.

Куда он путь держит? Почему дома не сидит?

Нет у него дома, нет своего угла, негде ему голову приклонить. Матушки давно в живых нет, а отец весной занемог и помер.

Кроме хаты убогой, ничего у отца не было: ни клочка земли, ни скотины.

Вот и пришлось Павлу хату продать, кровя лишиться и на вырученные деньги отца похоронить. Ведь за все платить надо: гробовщику – за гроб, могильщику – за могилу, ксендзу – за отходную молитву, службе за то, что землю святой водой окропил, звонарю – за звон погребальный.

Что за хату выручил – за похороны заплатил. И все–то его богатство – десять пальцев, с этими помощниками и отправился он работу по свету искать.

Вот дошел он до перекрестка, в какую сторону сворачивать, не знает. Сиротский хлеб везде горек. Постоял–постоял и надумал в город Ополе идти. Там князь, говорят, богатый.

У князей да графов, известно, полей, пастбищ, лугов столько, что ни за день, ни за два не обойдешь, а волов, овец, коз, гончих псов – не счесть! Вот и нужны им пахари, пастухи да псарь.

"Авось и для меня там работа найдется",– решил Павел и свернул на дорогу, что в Ополе вела.

Долго ли, коротко ли он шел и в высокую стену городскую уперся. Повезло ему. Нанялся он в подпаски, овец с ягнятами пасти.

На другой день, чуть только солнышко взошло, вывел его старый пастух на луговину, что к густому темному лесу спускалась, и говорит:

– Паси овец на лугу, до самой речки гоняй, а в лес смотри не пускай.

– Почему? – спрашивает Павел.

Нахмурился пастух, на лес с опаской поглядел и говорит:

– В лесу три великана живут. Меньшой до верхушки мачтовой ели рукой достает. Старшому самая высокая сосна по пояс. Нас, людей, великаны лютой ненавистью ненавидят. Увидят в лесу овец, поймают тебя и вместе с овцами, как букашек, растопчут – и следа не останется. Смотри в лес не ходи!

Вот высохла роса, и погнал Павел овец на пастбище. И, как пастух велел, в лес не заходит, по краешку пасет. В лесу трава – по пояс, сочная, густая, а на пастбище – чахлая, солнцем выжженная, скотом вытопанная. А под соснами – земляники, будто кто полное лукошко красных бус рассыпал.

День проходит, другой...

Пасет Павел овец на лугу, но трава сочная и земляника красная так и манят его в лес. Вот и думает он: "Далеко в лес овец не погоню, а с краю, на опушке, пускай себе попасутся, сочной травы вволю поедят. А я земляничкой полакомлюсь".

Погнал он свое стадо в лес. Овцы сочной травы вволю наелись, даже бока у них раздулись.

Стало солнце к закату клониться. Павел стадо в овчарню пригнал, а старый пастух и говорит:

– Уж не в лесу ли ты, сынок, овец пас? Больно бока у них круглые.

– Да нет...– не признается Павел.– В низине пас, возле речки.

Один раз сошло с рук, осмелел подпасок и перестал густого леса бояться. Каждый день пасет там овец, каждый день все дальше и дальше в лес заходит. И ни разу великанов не повстречал, а овцы возвращаются вечером, словно бочки, толстые.

"Небось выдумал старик про великанов,– думает крестьянский сын.– Неделю уже по лесу хожу, а о них ни слуху, ни духу".

И осмелел подпасок еще больше.

Проходит неделя, другая...p>Вот зашел он как–то со своими овечками подальше в лес. А там на поляне старый дуб растет, вершиной в облака упирается, корни на сто верст в земле раскинул, ветками красное солнце закрывает. Зашелестит листьями – по лесу шум идет, будто море разбушевалось.

Овцы вокруг дуба пасутся, а Павел в тени сидит и горстями землянику ест. Вдруг, откуда ни возьмись, налетел ветер, дуб ветвями закачал, листьями зашелестел, словно песню запел.

Заслушался Павел. А шелест и впрямь в слова складывается, в песню выливается:

Павлуш–ш–ша... Павлуш–ш–ша...

Навостри–ка уши

И тихонько слушай

Вещий голос мой,

Вещий голос мой.

Прихватив лопату,

Приходи сюда ты

В темноте ночной,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

В темноте ночной,

И поглубже яму

Подо мною прямо,

Не робея, рой,

Не робея, рой.

Знай отныне тайну –

Меч необычайный

Спрятан подо мной,

Спрятан подо мной.

Долго под камнями,

Оплетен корнями,

Он хранился там,

Он хранился там.

Этот меч разящий,

Пламенем горящий,

Я тебе отдам,

Я тебе отдам.

Кто тот меч достанет,

Самым сильным станет,

Кто мечом тем рубит,

Великанов губит.

Рой порой ночью

Яму подо мною,

Но все делай сам,

Но все делай сам.

Этот меч разящий,

Пламенем горящий,

Я тебе отдам,

Я тебе отдам.

Павлуш–ш–ша... Павлуш–ш–ша...

Павла холодный пот прошиб. Значит, старый пастух не выдумал про великанов!

Глянул он направо, глянул налево и поскорей овец из леса погнал.

"Надо темной, безлунной ночи дожждаться", – подумал подпасок и стал ждать.

А ждать пришлось долго: на небе ярко светила полная луна. Но вот стала она всходить все позже | и позже и, как серебряный шар, медленно перекачивалась с востока на запад. Наконец она начала худеть. Вот пропал у нее правый бок, словно его кто откусил. Худела, худела луна и превратилась в тоненький серпик, а потом и вовсе исчезла.

Высоко на небе мерцают звезды, а на земле темно.

"Пора", – решил подпасок, выскользнул потихоньку из овчарни и к темному лесу зашагал.

По знакомой дороге, по открытой луговине шагал смело, а в лес вошел, боязно стало. Каждое дерево притаившимся великаном кажется. Съежился Павел, от пенька к пеньку крадется, а у самого душа в пятки ушла... Что это – ель или нога злого великана? А это – корень из земли торчит или пудовый сапожище, который поднимется и раздавит его, как букашку?

В лесу темно и тихо, будто все вымерло, будто никогда солнце не взойдет.

Сердце у Павла колотится – вот-вот из груди выскочит, ноги подгибаются, а он крадется, за деревья хоронится. Весь в испарине добрался Павел до старого дуба, что одиноко посреди поляны рос.

И тут страх как рукой сняло. Словно дуб заступится за него, в обиду не даст. Выпрямился Павел, на руки поплевал и давай землю копать. Работа спорится. Видно, дуб корни в бок убирает, чтобы не мешали.

Выкопал Павел яму глубиной в полчеловеческого роста, смотрит – сверкнуло что-то. Копнул раз-другой – из-под земли рукоять меча показалась.

Ухватился за нее Павел двумя руками, ногами в землю уперся, поднатужился и вытащил огненный меч.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

В лесу светло сделалось, будто солнышко выглянуло. Золотыми колоннами заблестали стволы деревьев. Кусты алым пламенем вспыхнули, листья осины затрепетали, замерцали, будто золотой дождь пошел. А старый дуб закачал ветвями и тихо зашелестел:

Кто мечом тем рубит,

Великанов губит.

Павел прикрыл меч полой сермяги* и к опушке заторопился. Не узнать парня: идет, не гнется, не спотыкается. Смело вокруг поглядывает да покрикивает дерзко:

– Ну-ка, выходи, силой хочу с тобой помериться!

Меч сквозь дырки светит, и по земле за Павлом золотая дорожка бежит.

На другой день пригнал Павел овец на поляну. Под дубом сидит, меч в руке крепко сжимает и по сторонам озирается.

Мало ли, много времени прошло, чует подпасок: земля заколебалась, загудела – не иначе, великан к дубу спешит. Так и есть! Видит Павлуша: две высоченные сосны через лесную чащу перешагивают, прямо к нему идут.

Только не сосны это, а ноги великаньи.

Вышел великан на поляну – голова выше дуба, глазищи с луну – да как гаркнет зычным голосом:

– Эй ты, червяк, чего в лесу моем делаешь?

А сам железной палицей* размахивает, длинной да толстой, как колодезный журавль.

Подпасок сжимает в руке огненный меч и дерзко великану отвечает:

– А ну, попробуй ударь!

Размахнулся великан – метнул палицу, а Павлуша в сторону отскочил. Зарылась палица в землю на три сажени*. Подпасок за спину великана забежал да как ударит мечом по пятке – выше не достал.

Пошатнулся великан, покачнулся, за две гигантские сосны руками ухватился, на землю рухнул вместе с ними и дух испустил.

Дивится подпасок: удар по пятке пришелся, а великан на земле бездыханен, мертв лежит. Видно, меч–то волшебный!

Павлуша смело по сторонам поглядывает да покрикивает:

– Эй, второй великан, выходи на бой! Выходите оба, второй с третьим, я вас зарублю!

Кричит и мечом размахивает. В лесу огненные молнии заблестали, золотыми пчелками листья затрепетали, по зеленым мхам светлые дорожки в лесной мрак побежали.

– А ну, выходи на бой!

Но в ответ только ветер шумит да птицы кричат.

На другой день пригнал подпасок стадо на лесную поляну. Стоит под старым дубом и ждет. От убитого великана только ложбина глубокая на земле осталась.

Мало ли, много времени прошло, опять из лесу великан выскакивает. Под ногами деревья, точно травинки, гнутся, камни, точно комочки сухой земли, в прах рассыпаются.

Этот железную палицу на плече несет.

– Это ты, червяк, моего брата убил? – закричал он так громко, что деревья к земле пригнулись.

Поднял железную палицу и в Павлушу метнул. Павлуша за дерево схоронился, а палица в дерево вонзилась.

Ухватил тут великан сосну за верхушку, выворотил с корнями да как завопит:

– Сейчас я тебя этой палкой пристукну!

Не стал Павел дожидаться, пока великан его столетней сосной ударит. Прошмыгнул между корнями вырванного дерева и огненным мечом проткнул подошву гигантского сапога.

Развалился сапог на части, земля кровью обагрилась, и второй великан на землю рухнул и дух испустил.

"Теперь один остался", – подумал Павлуша.

На третий день не успел подпасок в лес войти, как из–за деревьев великан выскочил и железной палицей в стадо метнул.

Полтораства овечек железная палица задела, полтораства овечек замертво на землю упали.

Увидел Павлуша мертвых овечек, и такая ярость в нем забушевала, что позабыл он страх и на великана кинулся.

А великан нагнулся – палицу поднять, чтобы еще полтораства овечек уложить. Не стал тут Павлуша мешкать и огненным мечом великана по руке ударил. Брызнула кровь алой струей, и третий великан бездыханен, мертв наземь упал.

Убил подпасок последнего великана, и огненный меч погас. Видно, конец пришел его волшебной силе.

Павлуше и весело, и грустно.

Посмотрит направо, на освобожденный от великанов лес, и душа радуется. Теперь люди смогут смело в лес ходить. Ягоды, грибы, орехи собирать, деревья на постройку домов рубить, скот на травянистых полянах пасти.

А как налево, на мертвых овечек, глянет – сердце сжимается. Лежат они неподвижно, точно камни.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Уткнулся подпасок лицом в землю и заплакал, как малое дитя.

– Ой, овечки мои милые! Никогда–то я вас не обижал, кнутом не стегал, камнями не подгонял. Как вернусь я без вас к старому пастуху? Что скажу ему?

Плакал он, плакал, а потом рассудил: "Слезами горю не поможешь, овец не оживишь. Надо пастбище получше поискать, а то они всю траву здесь подъели".

И погнал он овец под дубами да буками, под соснами да елями туда, где трава погуще, посочней, цветом позеленей.

Глядит подпасок на овец и дивится. Травы вдоволь, а они все дальше в лес бегут, на полянках не останавливаются, сквозь чащу продираются, через топи болотные по кочкам перескакивают.

– Стой! Стой!

Но где там! Не слушаются его овцы, бегут, будто их кто подгоняет.

Вот прибегают они на поляну. Вековые буки поляну подковой окружили, в древесные объятия дворец беломраморный заключили. Дворец на солнце искрится, будто из снега слеплен.

Тут овечки остановились и к пастуху обернулись.

Сразу смекнул Павел, чей это дворец.

Поднимается он по широкой лестнице, во дворец заходит. А там покои, как костёлы, высокие! Двери, как ворота, широкие! Окна в оловянных рамах – как озера зеленые!

Всё тут великанам под стать: столы и лавки, полки и сундуки, кувшины и миски.

Выпил Павлуша молока из кувшина величиной с бочку, отломил кусок хлеба от каравая со стог целый.

Идет он большими покаями и видит – на стене охотничья сумка висит. Влез он на лавку, руку в сумку запустил и достал золотой рог. Для великанов рог небось в самый раз, а для него как полено – толстый да большой.

Вдохнул Павлуша побольше воздуха и затрубил в рог.

Тут двери распахнулись, и в горницу трубач вбегает в серебряном кафтане, с соколиными крыльями на шляпе.

Остановился он перед подпаском, руки по швам, и говорит:

– Приветствуем тебя, избавитель, злодеев–великанов победитель! Много лет ждали мы, когда этот миг настанет, и вот дождались.

Павел слушает и ушам своим не верит, а трубач дальше говорит:

– Три тысячи воинов томятся в подземелье. Держали нас злодеи–великаны в темной, тесной яме, как невольников. А ты вернул нам простор полей, солнечный свет, вольность крылатую. Отныне да будет тебе счастье и удача во всем!

Сказал, в рог затрубил, и сразу стук да гром в подземелье послышался. И вот по лестнице поднимается воинство. Валит и валит несметная рать перед изумленным Павлушей.

Радостно подпаску глядеть на эти чудеса, да только как вспомнит убитых овечек, лицо печалью затуманивается.

– О чем, крестьянский сын, печалишься? – спрашивает его трубач. – Горе нам свое поведай, авось да поможем тебе.

– Как же мне не печалиться? – говорит подпасок.– Третий великан полтораста овечек убил. Резвились они на зеленом лугу, травку щипали, а теперь на опушке лежат неподвижно, как камни.

– Не горюй! Прежде чем солнышко над лесом поднимется, оживут твои овечки и сюда прибегут.

И приказал воину кувшин с живой водой взять и мертвых овечек окропить.

Поспешил воин на опушку, мертвых овечек живой водой окропил. Овечки мигом на ноги вскочили, отряхнулись от росы, радостно заблеяли и к стаду побежали.

До вечера паслись овцы на лугу возле дворца, а трубач с двумя воинами по всем покоем подпаска водил, сокровища и чудеса разные показывал.

Ходили они, ходили и пришли в подвал. Там под соломенным навесом – колодец, а в колодце не вода, а золото блестит–переливается.

Подхватили воины с двух сторон подпаска, головой в колодец окунули и снова на землю поставили.

А трубач из–за голенища медное зеркальце достает и говорит:

– Погляди на себя, крестьянский сын!

Посмотрел Павлуша в зеркало и оторопел. Вместо растрепанных, выцветших волос золотые кудри вьются.

На заходе солнца простился Павлуша с трубачом и воинами и погнал стадо домой.

А когда лесом шел, обмотал голову тряпичей, чтобы никто золотых кудрей не видел.

На скотном дворе поглядел старый пастух на овец и говорит:

– Видно, досыта травки овечки наелись, вон как бока–то округлились у них. Уж не в лесу ли ты их пас?

Подпасок ничего не ответил, смолчал.

– Ну что ж, коли тебя великаны не трогают, паси овец в лесу. А голову почему тряпкой обвязал?

– На сучок напоролся...

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И с той поры так и повелось: овцы каждый день на лугу возле замка паслись, Павлуша с воинами в покоях пировал, а старый пастух перестал спрашивать, куда Павлуша стадо гонял и почему у него голова тряпкой обвязана.

Много или мало времени прошло, созвал опольский князь всех, сколько ни есть в его владениях, стекловаров и велел им стеклянную гору отлить. Высокую, как Чантория*, острую, как башенный шпиль, и чтоб она в Одре отражалась.

Вот стоит гора высокая, в голубой воде отражается, на солнце горит–переливается. И кликнул клич опольский князь:

– Кто три раза на коне до вершины доскачет, тому дочь в жены отдам.

Дочь у князя одна–единственная, и все богатство после его смерти ей достанется.

Быстро разнеслась об этом весть, и вот стали съезжаться к княжескому двору храбрые рыцари, знатные вельможи. Всем охота счастья попытать.

Да не тут–то было!

Под одним конь пал, другой шею себе свернул, третий вместе с конем погиб. С каждым беда приключилась, никто и до середины горы не доскакал.

Павлуша в тот день, как всегда, погнал в лес овец.

Вот приходит он в замок, а трубач ему и говорит:

– Поезжай–ка и ты, крестьянский сын, счастья попытать. Коня мы дадим тебе из конюшни великаньей. Для великанов кони–то малы были, держали они их для забавы, разным штукам обучали.

Вывели из конюшни вороного* коня. Три статных молодца на плечи друг дружке станут – до седла не достанут. Вот какой конь! Сбруя на нем серебряная, и узда серебряная, и чепрак* серебряный, и седло серебряное, а на подковах – шипы алмазные.

Нарядили Павлушу в кафтан парчи серебряной, приставили к коню лестницу, влез Павлуша на коня по лестнице и поехал.

Едет Павлуша лесом, а золотые кудри верхушки деревьев вызолачивают, будто второе солнышко светит.

Дивится народ, в стороны расступается – отродясь никто такого коня–великана не видывал.

Павлуша коня пришпорил. Конь подскочил – и до половины горы допрыгнул. Подскочил еще раз – и до вершины достал. А с вершины одним прыжком на земле очутился.

Обрадовалась княжна. Бросила смельчаку рубиновый перстень, пастух тот перстень подхватил и в лес ускакал.

Пригнал Павлуша вечером овец, а старый пастух и говорит:

– Ох, было нынче на что поглядеть! Прискакал к стеклянной горе молодец на вороном коне, а конь с дом величиной!

На другой день воины вывели из конюшни коня в яблоках. Тот был большой, а этот еще больше! И все на нем золотое! И сбруя, и узда, и чепрак, и седло.

Нарядили Павлушу в кафтан золотой парчи. Кафтан золотой, кудри золотые – прямо загляденье!

Влез пастух по приставной лестнице на коня и поскакал к стеклянной горе.

В тот день никто даже до половины горы не допрыгнул. Никому охоты нет шею себе ломать.

Стоит народ, озирается: не приедет ли опять рыцарь на коне–великане? Всем любопытно узнать, кто он таков и откуда.

Как увидели коня в яблоках, а на нем всадника в золотом кафтане, гору кольцом окружили, клянутся–божатся, что коня за узду схватят и до тех пор не отпустят, пока рыцарь не скажет, кто он и откуда родом.

Пришпорил Павлуша коня. Конь прыгнул – и до половины горы доскакал. Скакнул еще раз – и до вершины достал.

Стоит Павлуша на вершине горы и видит – люди кольцом гору окружили, хотят ему дорогу загородить. Сделал он знак рукой: буду, мол, по правому склону спускаться. Откатилась толпа направо, а он с левой стороны прыгнул, перстень княжны на лету поймал, к лесу поскакал, и след его простыл.

Пригнал Павлуша вечером стадо, а пастух и говорит:

– Опять тот же смельчак приезжал. Только конь под ним был не вороной, а в яблоках. Хотели люди его поймать, да где там – в лес умчался, только его и видели!

– А до вершины–то он доскакал? – спрашивает Павлуша и загадочно усмехается.

– Как же! Два раза скакнул – и на вершине!

На третий день старик говорит:

– Надо и тебе к стеклянной горе сходить, на рыцаря поглядеть. Оставь овец в овчарне, дай им сена, и пойдем со мной.

А Павлуша в ответ:

– Жалко летом сено переводить. Погоню–ка я их лучше на пастбище, а вечером расскажете мне, что да как.

– Вот глупый! – рассердился пастух.

Засмеялся Павлуша, выпустил овец из овчарни и погнал в лес.

Нынче по уговору последний, третий, день на гору скакать.

Нарядили воины пастуха в кафтан, алмазами изукрашенный. Конь под ним масти каштановой, весь алмазами убран, грива до колен, хвост до земли.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Едет Павлуша чистым полем, едет темным лесом, алмазы горят–искрятся – глазам смотреть больно.

Нынче князю с княжной узнать не терпится, кто этот смельчак. Нынче не уйти ему – воины тройной цепью окружили гору.

Подъехал Павлуша к горе, коня пришпорил. Конь в облака взвился и доскочил до вершины.

Тут все зашумели, закричали:

– Держи его! Лови!

Конь копытами в гору ударил, и над цепью солдат по воздуху пролетел. Павлуша перстень княжны на лету поймал и в лес ускакал.

Пустил он коня во всю прыть. А в лесу, в кустах, притаился злодей. Задумал он Павлушу погубить и от князя награду получить.

Вот мчится Павлуша по дороге, а злодей из кустов выскочил и саблей взмахнул.

Только как он ни целился, как ни метил, а выше стремени не достал. Сабля сапог рассекла, оцарапала ногу, об алмазное стремя сломалась, а конец в подошве застрял.

Обмыли воины ногу ключевой водой, намазали медвежьим салом. Вмиг зажила рана, только чуть приметный шрам на коже остался.

Вечером старый пастух говорит Павлуше:

– Ну и дурак ты, что к стеклянной горе не пошел, на того рыцаря поглядеть не захотел. Он через тройную цепь солдат перемахнул и в лес ускакал. Только теперь не скрыться ему – ранили его в правую ногу.

...Сидит как–то вечером княжна и на дорогу глядит. А по дороге Павлуша овец с пастбища гонит. Вот княжна и говорит своей служанке:

– Любо–дорого смотреть, какие резвые да сытые овцы у этого пастуха! И никогда они у него не хромают, никогда он их кнутом не бьет. А ягнят, которые за стадом не поспевают, он на руках несет. Хороший пастух! Да видно, бедняк – сапоги на нем дырявые, стоптанные, шапки и той нет – голова тряпкой обмотана. Отнеси–ка ему три талера, пусть он себе шапку да сапоги купит.

Пришла служанка на скотный двор, Павлуше слово в слово передала, что княжна велела, и три талера ему подает.

Павлуша засмеялся, подбросил монеты. Ударились они друг о дружку, звякнули, а Павлуша внуков старого пастуха подзывает и приговаривает:

– Дзинь–ля–ля! Дзинь–ля–ля! Вот вам, ребятишки, бляшки–кругляшки, катайте их по земле, играйте!

Служанка увидела – за голову схватилась и побежала к госпоже с неслыханной вестью: этот оборванец три талера за деньги не считает, на землю швыряет!

День за днем идет, неделя за неделей. Князь с княжной ждут–поджидают рыцаря, что три раза на стеклянную гору въехал, а его все нет и нет.

Когда ждать стало неважноту, призвал князь придворных звездочетов и говорит:

– Грош цена вашей мудрости, если не узнаете вы у далеких звезд, у солнца, у месяца, где тот рыцарь, что три раза на стеклянную гору въехал!

Разбрелись ученые по своим горенкам, а горенки у них – на высоких столбах, чтобы ни крыша, ни дерево, ни башня не заслоняли им звезды, луну и солнце, не мешали смотреть на облака да высчитывать, с какой быстротой бегут они по небу.

Три дня и три ночи смотрел на небо первый звездочет – измерял, высчитывал, рисовал, а на четвертый день пришел к князю и говорит:

– Милостивый господин, не чужой это человек, а ваш подданный.

Разослал князь придворных по всем городам и селам Силезии и велел смельчака среди рыцарей и шляхты искать. Придворные искали–искали, да так ни с чем и воротились назад.

Семь дней и семь ночей смотрел на небо второй звездочет – измерял, высчитывал, рисовал, а на восьмой день явился к князю и говорит:

– Милостивый господин, человек этот при вашем дворе служит и ваш хлеб ест.

Тут велел князь учинить допрос челядинцам, воинам, стражникам, но и среди них не оказалось смельчака.

Девять дней и девять ночей смотрел на небо третий звездочет – измерял, высчитывал, рисовал, а на десятый день к князю пришел и говорит:

– Милостивый господин, человек этот не шляхетского рода, а простой работник и все свое состояние на похороны отца истратил.

Стали среди скотников, землепашцев, портных, башмачников искать – и не нашли.

Много ли, мало времени прошло – сидит как–то княжна у окошка и на дорогу смотрит. А по дороге Павлуша овец с пастбища гонит. Глянула княжна на Павлушу и опрометью кинулась к отцу:

– Батюшка, а подпасок?

– Какой подпасок?

– Подпаска спрашивали?

Вспомнил тут князь самого бедного своего слугу. Не раз видел он, как бредет подпасок за стадом в рваных сапогах, с головой, обмотанной тряпкой.

Вспомнил и засмеялся.

– Если хочешь,– говорит,– спрошу у старого пастуха.

– Спроси, батюшка, спроси!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Послали за пастухом. Удивился старик, встревожился: не часто ведь такую мелкоту в замок к самому князю зовут.

– Скажи, старик,– спрашивает князь,– а про помощника твоего, про подпаса, не забыли, когда смельчака искали, который три раза на стеклянную гору въехал?

– Чего дурака спрашивать? Он даже поглядеть на коня–великана и то не захотел. А талеры, что ему княжна пожаловала, ребятишкам для забавы швырнул. Дурак он, каких свет не видывал.

– Так–то оно так, но во всем должна быть справедливость,– сказал князь и послал трех придворных в овчарню.

Идут придворные на скотный двор и смеются.

– Ну и кавалера выбрала себе княжна! – говорит один.

– Не иначе, парша* у него на голове, недаром он ее тряпкой обмотал,– молвит другой.

– Вот сорву я с него эту тряпку, тогда посмотрим, что он делать станет! – пригрозил третий.

Заходят они в овчарню, останавливаются перед подпаском и спрашивают:

– Не ты ли три раза на стеклянную гору въехал?

– Я, – как ни в чем не бывало говорит Павлуша.

Двое придворных так и покатались со смеху, а третий разгневался, ногами затопал.

– Я тебе, паршивец, покажу, как с княжной шутики шутить! – закричал он и сорвал у подпаса с головы тряпку.

Золотые кудри по плечам рассыпались, и в овчарне словно жаркое пламя вспыхнуло. И сразу точно ослепли все, будто онемели, слова сказать не могут. Стоят как неживые. А Павлуша и говорит:

– Мало вам этого, могу еще кое–что показать.

Приподнял сноп соломы, что подушкой ему служил, и достал оттуда три перстня: рубиновый, изумрудный и бриллиантовый – три подарка княжны.

Хочешь не хочешь, а пришлось поверить. Бегут придворные со всех ног в замок и кричат:

– Смельчак нашелся! Жених объявился!

Привели Павлушу с почестями в замок.

Князь с княжной на троне сидят, вокруг вельможи, рыцари знатные, господа толпятся, а напротив, на лавке, узорчатым ковром покрытой, примостился подпасок в рваных сапогах, в сермяге латаной–перелатаной, с золотыми кудрями до плеч.

– Расскажи нам, храбрый рыцарь, как ты героем стал?

И Павлуша рассказал: про дуб говорящий, про меч огненный, про великанов, про замок в лесу, про воинов из подземелья, про коней–исполинов, про богатства несметные, что в сокровищницах лежат и теперь ему, подпаску, принадлежат.

Князь знак подает, все на коней садятся и в лес едут. А в лесу по сказанному как по писаному: замок стоит, воины с оружием полководца ждут, в сокровищницах – богатства несметные, в конюшне – кони–исполины.

Не стали тут ждать – справили шумную свадьбу. Гости так плясали, что потом три месяца хромали, а народ целый год только о свадьбе и толковал.